

Артур Конан Дойл. Знатный клиент

-- Теперь это никому не повредит, -- так ответил мне Шерлок Холмс, когда я в десятый раз за десять лет попросил у него разрешения обнародовать нижеследующее повествование. Так что мне наконец-то позволено написать отчет о том деле, которое в определенном отношении можно считать вершиной карьеры моего друга.

Турецкая баня -- наша с Холмсом слабость. Я не раз замечал, что именно там, в приятной истоме дымной парилки, мой друг становился менее замкнутым и более человечным, нежели где бы то ни было. На верхнем этаже бань на Нортумберленд-авеню есть укромный уголок, в котором стоят рядышком две кушетки. На них-то мы и лежали 3 сентября 1902 года, в день, с которого начинается мое повествование. Я спросил Холмса, нет ли у него сейчас какого-нибудь интересного дела. Вместо ответа он вытащил из-под простынок, в которые был запакован, худую нервную руку и извлек из внутреннего кармана висевшего рядом пальто какой-то конверт.

-- Либо это написал суетящийся по пустякам напыщенный болван, либо речь идет о жизни и смерти, -- сказал он, вручая мне письмо. -- Я знаю не больше, чем сказано в этом послании.

Записка была отправлена из Карлтон-клуб вчера вечером. Вот что я прочел:

"Сэр Джеймс Дэймри с поклоном сообщает мистеру Шерлоку Холмсу, что посетит его завтра в половине пятого пополудни. Сэр Джеймс просит сообщить, что дело, которое он желал бы обсудить с мистером Холмсом, крайне щекотливое и важное. Поэтому он уверен, что мистер Холмс приложит все усилия к тому, чтобы встреча состоялась, и подтвердит это телефонным звонком в Карлтон-клуб".

-- Излишне говорить, что я позвонил и подтвердил, Уотсон, -- произнес Холмс, когда я вернул ему листок. -- Вы знаете что-нибудь про этого Дэймри?

-- Только одно: в свете это имя известно как имя дворянина.

-- Что ж, я могу рассказать вам больше. Дэймри слывет докой по улаживанию щекотливых делишек, таких, которые не должны попадать в газеты. Возможно, вы помните его переговоры с сэром Джорджем Льюисом по вопросу о завещании Хаммерфорда. Это человек света, с природной склонностью к дипломатии, и поэтому я могу надеяться, что дело не обернется ложным следом и что ему действительно нужна наша помощь.

-- Наша?

-- Ну, если вы будете настолько любезны, Уотсон.

-- Был бы польщен...

-- В таком случае время вам известно: половина пятого. А пока можем выкинуть это дело из головы.

Я тогда жил в своей квартире на улице Королевы Анны, но явился на Бейкер-стрит до назначенного часа. Ровно в половине пятого доложили о прибытии полковника сэра Джеймса Дэймри. Вряд ли так уж необходимо описывать его наружность: многие помнят этого крупного, грубовато-добродушного и честного человека, его широкое, чисто выбритое лицо и в особенности голос -- приятный и сочный. Серые ирландские глаза его излучали искренность, добрая усмешка играла на живых улыбчивых губах. Цилиндр с блестками, черный сюртук, каждый предмет одежды -- от жемчужной булавки в черном атласном галстуке до бледно-лиловых, идеально надраенных туфель -- говорил о дотошной изысканности, которой славился полковник. Этот грузный и уверенный в себе аристократ заполнил собой всю нашу маленькую комнату.

-- Разумеется, я был готов застать здесь доктора Уотсона, -- с изящным поклоном заметил он. -- Нам может понадобится его помощь, поскольку на этот раз, мистер Холмс, речь идет о человеке, для которого насилие -- привычное дело и который не останавливается буквально ни перед чем. Я бы даже сказал, что более опасного человека в Европе не сыскать.

-- У меня уже было несколько противников, к которым применимы эти лестные слова, -- с улыбкой ответил Холмс. -- Вы не курите? В таком случае позвольте мне раскурить мою трубку. Если этот ваш человек более опасен, чем покойный профессор Мориарти или ныне здравствующий полковник Себастьян Моран, значит, с ним действительно стоит познакомиться. Могу я спросить, как его зовут?

-- Вы когда-нибудь слышали о бароне Грюнере?

-- Вы имеете в виду австрийского убийцу?

Полковник Дэймри со смехом всплеснул руками, затянутыми в лайковые перчатки.

-- Все-то вам известно, мистер Холмс! Чудеса, да и только! Значит, вы уже составили о нем мнение как об убийце?

-- В интересах дела я внимательно слежу за уголовной хроникой Континента. Кто же усомнится в виновности этого человека, ознакомившись с отчетом о пражских событиях? Его спасла чисто формальная юридическая зацепка да еще подозрительная смерть одного из свидетелей. А так называемый "несчастный случай" на Шплюгенском перевале? Он убил свою жену, я так же уверен в этом, как если бы видел все собственными глазами. О его приезде в Англию мне тоже известно, и я предчувствовал, что рано или поздно он загрузит меня какой-нибудь работенкой! Ну-с, что же натворит барон Грюнер? Не думаю, чтобы речь шла о той давней трагедии, вновь выплывшей на свет.

-- Нет, дело гораздо серьезнее. Воздать за преступление, конечно, важно, однако куда важнее предотвратить его. Это ужасно, мистер Холмс: видеть, как прямо на глазах готовится зверское злодеяние, со всей ясностью сознавать, к чему оно приведет, и не иметь при этом ни малейшей возможности отвести беду. Дано ли человеку оказаться в более тяжелом положении?

-- Вероятно, нет.

-- Значит, вы с сочувствием отнесетесь к клиенту, в интересах которого я действую.

-- Я не думал, что вы -- лишь посредник. Кто же главное действующее лицо?

-- Мистер Холмс, я вынужден просить вас не настаивать на ответе. Для меня крайне важно иметь возможность заверить этого человека, что его сиятельное имя ни в коем случае не будет упомянуто в связи с делом. Им движут в высшей степени достойные, рыцарские побуждения, но он предпочел бы не открываться. Излишне говорить, господа, что ваши гонорары гарантированы и что вам предоставляется полная свобода действий. А имя клиента, я уверен, не имеет большого значения, не правда ли?

-- Мне очень жаль, -- ответил Холмс, -- но я привык иметь в деле только одну тайну. Две чреватые слишком большой путаницей. Боюсь, сэр Джеймс, что мне придется отказаться от каких бы то ни было действий.

Наш посетитель очень смутился. На его крупное подвижное лицо легла тень досады и разочарования.

-- Вряд ли вы сознаете, к чему приведет ваш отказ, мистер Холмс, -- сказал он. -- Вы ставите меня в крайне затруднительное положение, поскольку я уверен, что вы с гордостью возьметесь за дело, если я изложу вам факты, и в то же время обещание, которое я дал, не позволяет мне открыться до конца. Разрешите, по крайней мере, рассказать вам то, что я могу рассказать.

-- Разумеется, если при этом я не беру на себя никаких обязательств.

-- Само собой. Начнем с того, что вы, конечно же, слышаны о генерале де Мервиле.

-- Прославившем себя под Хайбером? Да, я слышал о нем.

-- У него есть дочь, Виолетта де Мервиль, юная, богатая, красивая, образованная. Женщина изумительная во всех отношениях. Вот ее-то, милую, простодушную девочку, мы и хотим вырвать из лап изверга.

-- Значит, барон Грюнер имеет над ней какую-то власть?

-- Самую сильную власть, какую только может иметь над женщиной, -- власть любви. Как вы, вероятно, слышали, этот человек необычайно хорош собой. Манеры его обворожительны,

голос нежен. Да еще этот налет романтической таинственности, который так привлекает женщин... Говорят, что перед ним не устоит ни одна из них, и он пользуется этим обстоятельством с большой выгодой для себя.

-- Но как могло случиться, что такой человек вдруг познакомился с дамой, занимающей столь высокое положение в обществе, с мисс Виолеттой де Мервиль?

-- Это произошло во время прогулки на яхте по Средиземному морю. В компанию вошли лишь избранные. Они сами оплатили поездку. Устроители слишком поздно осознали истинную сущность барона. Этот злодей начал увиваться за дамой и так преуспел, что окончательно и бесповоротно пленил ее сердце. Сказать, что она его любит, -- значит почти ничего не сказать. Она сходит по нему с ума, она бредит им. Для нее на нем весь свет клином сошелся. Попробуйте при ней сказать о нем хоть одно дурное слово! Чего мы только не делали, чтобы излечить ее от этого безумия, -- все впустую. Короче говоря, через месяц она собирается выйти за него замуж, и трудно сказать, как удержать ее от этого шага: она совершеннолетняя и обладает железной волей.

-- Ей известно об австрийском происшествии?

-- Хитрая бестия! Он рассказал ей обо всех гнусных скандалах, в которых был замешан в прошлом и которые стали достоянием гласности, причем в рассказах этих он неизменно выставлял себя невинным мучеником. Она безоговорочно приняла его версии и не желает слушать ничего другого.

-- Боже мой! Однако вы невольно выдали нам имя вашего клиента. Это, конечно же, генерал де Мервиль.

Наш гость заерзал на стуле.

-- Я мог бы обмануть вас, сказав, что это так, мистер Холмс. Но ведь это было бы ложью. Де Мервиль -- сломленный человек. Некогда крепкий солдат теперь полностью деморализован, и всему виной самообладание, которое ни разу не изменило ему на поле брани, и превратился в немощного трясущегося старца, совершенно неспособного противостоять натиску такого сильного и блистательного мошенника, как этот австриец. Так или иначе, мой клиент -- старый друг генерала, долгие годы близко знавший его, по-отечески заботившийся о девушке еще в те времена, когда она носила короткие платица. Видеть, как дело движется к трагической развязке, и не попытаться предотвратить ее -- это выше его сил. Предложение призвать на помощь вас исходило от моего клиента, ибо задействовать Скотленд-Ярд невозможно. Однако клиент никоим образом не должен быть лично причастен к делу -- это, как я уже говорил, неперемное условие. Я не сомневаюсь, мистер Холмс, что при ваших огромных возможностях вы с легкостью узнаете, кто он. Хотя бы проследив за мной. Но я

прошу вас как честного человека воздержаться от такого рода действий и не нарушать его инкогнито.

Холмс капризно усмехнулся.

-- Думается, я могу твердо обещать вам это, -- ответил он.

-- Добавлю также, что ваше дело заинтересовало меня, и я готов им заняться. Как мне держать с вами связь?

-- В Карлтон-клуб скажут, где я. В экстренных случаях звоните по домашнему телефону Эйч, Эйч, 31.

Холмс записал номер. Он сидел, положив на колени раскрытую записную книжку и продолжая улыбаться.

-- Назовите, пожалуйста, теперешний адрес барона.

-- Вернон-Лодж, возле Кингстона. Дом большой. Барон нажился на каких-то довольно темных махинациях. Теперь он богач, и это, естественно, превращает его в еще более опасного противника.

-- А сейчас он дома?

-- Да.

-- Не могли бы вы сообщить мне еще какие-нибудь сведения об этом человеке вдобавок к уже сказанному?

-- Вкусы у него дорогостоящие. Любитель лошадей. Одно время участвовал в поло в Хэрлингеме, но был вынужден бросить это дело, когда поднялась шумиха вокруг пражских событий. Собирает книги и картины. Довольно артистичная натура. Кажется, барон слывет признанным знатоком китайской керамики и написал о ней книгу.

-- Разносторонний ум, -- заметил Холмс. -- Этим отличаются все незаурядные преступники. Мой старинный приятель Чарли Пейс виртуозно играл на скрипке. Уэйнрайт был неплохим художником. Могу привести множество других примеров... Итак, сэр Джеймс, передайте вашему клиенту, что я намерен обратить внимание на барона Грюнера. Это все, что я могу вам сказать. У меня есть кое-какие источники информации, и я осмелюсь утверждать, что мы сумеем внести ясность в это дело.

После ухода нашего гостя Холмс долго просидел в глубокой задумчивости. Мне даже показалось, что он забыл о моем присутствии. Но вот он наконец очнулся и словно спустился на землю.

-- Ну-с, Уотсон, ваши соображения? -- спросил он.

-- По-моему, вы должны повидаться с юной леди лично.

-- Мой дорогой Уотсон, если ее не может поколебать вид несчастного сломленного отца, то каким образом мне, постороннему человеку, удастся переубедить ее? И все же в вашем предложении кое-что есть. Если, конечно, другие меры ни к чему не приведут. Однако мне кажется, что начинать нам следует с другого бока. Думается, Шинвел Джонсон мог бы нам помочь.

Ранее у меня не было возможности упомянуть в этих

воспоминаниях о Шинвеле Джонсоне, поскольку я редко описывал те дела, которыми мой друг занимался под конец своей карьеры. В начале века Джонсон стал нашим ценным помощником. Вынужден с прискорбием сообщить, что поначалу он прославился как опасный преступник и отсидел два срока в Паркхэрсте. В конце концов он раскаялся и близко сошелся с Холмсом, став его агентом в обширном преступном мире Лондона. Сведения, которые он собирал, зачастую оказывались жизненно важными. Будь Джонсон полицейским шпионом, его бы вскоре раскрыли, но поскольку он занимался делами, которые так и не доходили до суда, сообщники не знали истинного смысла его действий. Слава человека, дважды побывавшего на каторге, открывала перед ним двери всех ночных клубов, ночлежек и игорных домов города, а наблюдательность и сообразительность сделали его великолепным осведомителем. К нему-то и намеревался теперь обратиться Шерлок Холмс.

Я не мог проследить все предпринятые Холмсом шаги, поскольку был загружен срочной работой, но в тот же вечер мы, как было условлено, встретились у Симпсона. Сидя за маленьким столиком у парадной витрины и глядя на Стрэнд, где ключом была жизнь, Холмс рассказал мне о некоторых событиях прошедшего дня.

-- Джонсон вышел на охоту, -- сообщил он. -- Вероятно, ему удастся выкопать кое-какой мусор в самых темных уголках преступного мира, поскольку, если мы хотим получить сведения о тайной жизни барона, их следует искать там, среди черных корней всех преступлений.

-- Но коль скоро леди не желает принимать во внимание то, что уже известно, почему вы считаете, что ваши новые открытия отвратят ее от задуманного?

-- Как знать, Уотсон... Женское сердце и женский разум -- неразрешимая загадка для мужчины. Они могут простить и объяснить убийство, и в то же время какой-нибудь мелкий грешок способен причинить им мучительные страдания. Как заметил в беседе со мной барон Грюнер...

-- Заметил в беседе с вами?!

-- Ах да, ведь я для большей верности не стал посвящать вас в свои замыслы. Что ж, Уотсон, мне нравится брать противника за грудки, встречаться с ним лицом к лицу и самолично определять, из какого материала он сделан. Дав указания Джонсону, я взял кэб, отправился в Кингстон и застал барона в самом приветливом расположении духа.

-- Он узнал вас?

-- Это было нетрудно. Я попросту послал ему свою визитную карточку. Замечательный противник, Уотсон. Холоден как лед, голос бархатистый, убаюкивающий, как у ваших модных консультантов. И ядовит, будто кобра. В нем чувствуется школа -- настоящий аристократ преступного мира. Такой предлагает вам

небрежным тоном послеполуденную чашечку чаю, а вы ощущаете за этой небрежностью смертельную злобу. Нет, я рад, что барон Адальберт Грюнер стал объектом моего внимания!

-- Говорите, он был радушен?

-- Словно кот-мурлыка, завидевший мышь, которой, как он полагает, суждено стать его добычей. Радушие иных людей более убийственно, чем жестокость грубых душ. Его приветствие уже говорило о многом. "Я так и думал, мистер Холмс, что рано или поздно мне доведется встретиться с вами, -- сказал он. -- Вас, несомненно, нанял генерал де Мервиль, пытаюсь помешать моей женитьбе на его дочери Виолетте. Это так или нет?"

Я промолчал в знак согласия, и тогда он сказал:

"Мой дорогой друг, вы только загубите свою заслуженную репутацию. В этом деле вам успеха не добиться. Работа неблагоприятная, не говоря уж о некоторой толике опасности. Позвольте дать вам настоятельный совет: немедленно отступитесь".

"Удивительное дело, -- ответил я. -- Именно этот совет я хотел дать вам. Я уважаю ваш ум, барон, и это уважение не уменьшилось после того, как я немного узнал вас. Давайте говорить как мужчина с женщиной. Никто не собирается ворошить ваше прошлое и причинять вам неудобства: с этим покончено, и вы на спокойной воле. Но если вы будете настаивать на женитьбе, то наживете целый сонм влиятельных врагов, и они не оставят вас в покое до тех пор, пока английская земля не загорится у вас под ногами. Стоит ли игра свеч? Куда благоразумнее было бы расстаться с леди. Если она узнает о некоторых фактах вашей прошлой жизни, это вряд ли будет вам приятно".

У этого барона короткие напояженные усики, которые торчат, как усы какого-нибудь насекомого. Он слушал меня, и усики эти подрагивали от сдерживаемого хохота. Кончилось тем, что барон разразился вежливым смешком.

"Простите мне мое веселье, мистер Холмс, -- сказал он, -- но наблюдать за человеком, который порывается играть в карты, не имея на руках ни одной, действительно забавно. Не думаю, что кто-либо способен делать это лучше вас, но тем не менее зрелище довольно жалкое. У вас нет ни единого козыря, мистер Холмс. Только разная мелочь".

"Вы думаете?"

"Я знаю. Давайте я вам все объясню, ибо мои карты так сильны, что я могу позволить себе раскрыть их. Мне посчастливилось добиться беззаветной любви этой дамы. Я без утайки рассказал ей обо всех несчастьях моей прошлой жизни, и тем не менее она полюбила меня. Кроме того, я предупредил ее, что к ней будут приходить коварные недоброжелатели (вы, разумеется, узнаете себя) и вновь рассказывать все эти истории.

Я объяснил ей, как следует держать себя с подобного рода посетителями. Вы слышали о постгипнотическом внушении, мистер Холмс? Что ж, у вас будет возможность своими глазами увидеть, как действует эта штука, ибо человек, обладающий сильным характером, умеет пользоваться гипнозом, причем без надувательства и всяких там пошлых пассов. Леди готова к вашему приходу и, несомненно, примет вас, поскольку она послушна воле своего отца во всем, не считая одного пустяка".

Вот так, Уотсон. Говорить, кажется, было больше не о чем, и я удалился со всем доступным мне холодным достоинством. Однако, когда я уже взялся за дверную ручку, барон остановил меня.

"Да, кстати, мистер Холмс, -- спросил барон, -- вы знали французского сыщика Леброна?"

"Знал", -- ответил я.

"Вам известно, какое его постигло несчастье?"

"Я слышал, что неподалеку от Монмартра его будто бы избili какие-то хулиганы, и он на всю жизнь остался калекой".

"Совершенно верно, мистер Холмс. По странному совпадению, всего за неделю до этого события он начал приставать к людям с расспросами о моих делах. Не стоит этим заниматься, мистер Холмс. Кое-кто уже убедился, что это не приносит счастья. Шагайте своей дорогой, а мне позвольте шагать своей. Это мое последнее слово. Прощайте!"

Такие вот пироги, Уотсон. Теперь вы знаете все.

-- Кажется, барон -- опасный человек.

-- Чрезвычайно опасный. На какого-нибудь задиристого бахвала я бы и внимания не обратил, но барон -- из тех людей, которые далеко не все свои мысли облачают в слова.

-- Неужели вы непременно должны ему мешать? А может, пускай себе женится на девушке? Какое это имеет значение?

-- Очень большое, если учесть, что он, вне всякого сомнения, убил свою первую жену. Допивайте кофе и пойдете-ка со мной: наш весельчак Шинвел давно нас ждет.

Мы и вправду застали его у себя. Это был крупный, грубоватый краснолицый мужчина болезненного вида. Лишь живые черные глаза выдавали в нем большого хитреца. Держался он, словно король в своем королевстве. Рядом с ним на кушетке сидела одна из его воспитанниц -- худощавая, подвижная как огонь молодая женщина с бледным настороженным лицом, еще юным, но уже успевшим увянуть от жизни, полной горечи и порока. Тяжкие годы оставили на ее облике нездоровый след.

-- Это мисс Китти Уинтер, -- произнес Шинвел Джонсон и взмахнул рукой, представляя свою спутницу. -- Если уж она чего-то не знает... А впрочем, пускай сама говорит. Я вышел на нее через какой-нибудь час после получения вашей записки,

мистер Холмс.

-- Меня долго искать, не надо, -- сказала молодая женщина.

-- Адрес у нас с Хрюшей Шинвелом один и тот же: Преисподняя, Лондон. Так и пишите, не ошибетесь. Хрюша и я -- старые приятели. Но есть один человек, который, будь в мире справедливость, сидел бы сейчас в еще более страшном аду, чем мы. Клянусь всеми чертями! Это человек, за которым вы охотитесь, мистер Холмс.

Холмс улыбнулся.

-- Насколько я понимаю, вы желаете нам успеха, мисс Уинтер?

-- Если вам нужна моя помощь, чтобы упрятать парня туда, где ему самое место, я вся ваша, от хвоста до головы, -- свирепо сказала наша гостья. Ее бледное решительное лицо напряглось, наливаясь ненавистью. Нечасто доводилось мне видеть такой огонь в глазах женщины, а в глазах мужчины -- и вовсе ни разу. -- Вам нет нужды лезть в мое прошлое, мистер Холмс. Оно к делу не относится. Но это Адальберт Грюнер превратил меня в то, чем я стала. Эх, если б только я могла свалить его! -- Она яростно вцепилась руками в воздух. -- Уж я бы стащила его в ту яму, в которую он сбросил столько народу!

-- Вам известно, как обстоят дела?

-- Хрюша Шинвел рассказывал. Барон волочится за очередной бедной дурой. На этот раз ему приспичило жениться. Вы хотите этому помешать. Наверняка вы знаете об этом злодее достаточно, чтобы у любой доброй девушки отбить охоту иметь с ним дело, если она в своем уме.

-- Эта девушка не в своем уме. Она влюблена до безумия. Она знает о нем все, но ей хоть бы что!

-- А про убийство ей рассказывали?

-- Да.

-- Господи, ну и нервы же у нее!

-- Она считает, что все это клевета.

-- Разве вы не можете сунуть ей под нос доказательства?

-- А вы поможете нам в этом?

-- Да я сама живое доказательство. Стоит мне заявиться к ней и рассказать, как он изводил меня...

-- А вы бы согласились?

-- Согласилась бы я?! Да неужто не согласилась бы!

-- Попробовать, наверное, стоит. Но он уже поведал ей большую часть своих прегрешений и получил прощение. По-моему, для нее этот вопрос закрыт, и она не захочет возвращаться к нему.

-- Чтоб мне подохнуть, если он рассказал ей все, -- отвечала мисс Уинтер. -- Помимо того нашумевшего убийства, я слышала кое-что еще об одном или двух. Он, бывало, рассказывает

о ком-нибудь этим своим бархатистым голосом, а потом вперит в меня глазищи и говорит: "Он умер. И месяца не прошло". И это было не пустое бахвальство. Но я почти не обращала внимания на такие речи, мистер Холмс, ведь я любила его в те времена, и мне было все равно, чем он занимается. Так же, как сейчас этой бедной дурехе. Только одна вещь действительно потрясла меня. Если б не его лживый язык, способный все объяснить и всех успокоить, я бы ушла от него в тот же вечер, чертом клянусь! У него есть книга, мистер Холмс. В буром таком кожаном переплете с замочком. Сверху -- золотой баронский герб. Наверное, он был немножко под хмельком, иначе ни за что не показал бы мне ее.

-- Что же это за книга?

-- Говорят же вам, мистер Холмс: этот человек коллекционирует женщин так же, как иные собирают мотыльков и бабочек. И кичится своей коллекцией. Вот что это за книга. Альбом с фотографиями, именами, подробностями и всем прочим. Это была чудовищная книга. Ни один мужчина, даже если он живет в придорожной канаве, ни за что не составил бы такую. И тем не менее это была книга Адальберта Грюнера. "Души, которые я погубил" -- вот что он мог бы написать на обложке, будь у него такое желание. Да только не будет вам проку с этой книги, а если и будет, ее ведь не достать.

-- Где она?

-- Откуда я знаю, где она теперь? Я бросила барона год с лишним назад. Мне известно, в каком месте он хранил книгу в те времена. Кое в чем этот кот аккуратен и дотошен до педантичности, так что, может статься, книга все еще лежит в тайнике старого бюро во внутреннем кабинете. Вы знакомы с его домом?

-- В кабинете я был, -- ответил Холмс.

-- Вот как? Значит, вы времени даром не теряли, если взялись за дело только нынче утром. Видать, на этот раз милашка Адальберт встретил достойного противника. Во внешнем кабинете у него китайская посуда -- там стоит большущий стеклянный шкаф промеж двух окон. А позади письменного стола есть дверца, которая ведет во внутренний кабинет -- маленькую комнатку, где он хранит бумаги и всякую всячину.

-- Он что же, не боится взломщика?

-- Адальберт не трус. Злейший враг не сможет сказать этого о нем. Он умеет за себя постоять. По ночам дом охраняют от взломщиков. Да и какой прок взломщику забираться туда? Разве что утащит всю эту диковинную посуду.

-- Бесплезное дело, -- твердым тоном знатока заявил Шинвел Джонсон. -- Ни один барыга не возьмет товар, который нельзя сплавить или загнать.

-- Совершенно верно, -- согласился Холмс. -- Хорошо, мисс

Уинтер. Может быть, вы зайдете сюда завтра в пять часов вечера? А я тем временем пораскину мозгами и решу, можно ли воспользоваться вашим предложением и устроить личную встречу с этой дамой. Крайне признателен вам за помощь. Вряд ли стоит говорить, что мои клиенты не поскупятся...

-- Не надо об этом, мистер Холмс! -- воскликнула молодая женщина. -- Не в деньгах дело. Швырните этого человека в грязь и дайте мне втоптать туда его проклятую физиономию -- больше мне ничего не нужно. Такова моя цена. Я буду у вас завтра или в любой другой день, пока вы идете по его следу. Хрюша всегда скажет, где меня найти.

Я вновь встретился с Холмсом лишь следующим вечером, когда мы опять обедали в нашем ресторанчике на Стрэнде. На мой вопрос о том, удачно ли прошла встреча, Холмс только пожал плечами. Но потом он рассказал мне все, и я повторяю его рассказ в несколько измененном виде. Сухое и точное сообщение Холмса надобно слегка подредактировать, смягчить и передать более простыми словами.

-- Встречу удалось устроить без каких-либо затруднений, -- начал Холмс, -- поскольку девушка прямо-таки олицетворяет собою образец безропотной дочерней покорности, пытаюсь вознаградить отца за свое вопиющее непослушание в вопросе о женитьбе послушанием во всех остальных мелочах. Генерал сообщил мне по телефону, что все готово, мисс Уинтер явилась точно в срок, и в половине шестого мы вылезли из кэба возле дома номер 104 по Беркли-скуэр, где живет старый генерал. Вы знаете эти безобразные серые лондонские замки, в сравнении с которыми церковь и та выглядит кокетливо. Лакей провел нас в громадную гостиную, украшенную желтой драпировкой. Здесь нас и ждала леди -- бледная, притворно-застенчивая, замкнутая, непреклонная и далекая, как снеговик на склоне горы. Даже и не знаю, как описать ее вам, Уотсон. Возможно, вы еще встретитесь с ней по ходу дела и тогда сумеете использовать ваше писательское дарование. Она прекрасна, но это какая-то неземная, потусторонняя красота фанатика, чьи мысли парят в заоблачных высях. Я видел такие лица на средневековых полотнах старых мастеров. Ума не приложу, каким образом этому зверю в человеческом обличье удалось заграбастать своими мерзкими лапами такое небесное создание. Вероятно, вы заметили, как стремятся друг к другу противоположности -- духовное к плотскому, пещерный человек -- к ангелу... Тут мы имеем дело с самым вопиющим примером такого рода.

Разумеется, она знала, зачем мы пришли, -- негодяй уже успел отравить ее разум и настропалить против нас. Думается, появление мисс Уинтер несколько удивило леди, но она жестом пригласила нас садиться в отведенные для нас кресла, словно

какая-нибудь преподобная настоятельница, принимающая двух прокаженных нищих. Если вы склонны к возвышенным помыслам, Уотсон, берите пример с мисс Виолетты де Мервиль!

"Мне знакомо ваше имя, сэр, -- сказала она холодным, как дыхание айсберга, голосом. -- Как я понимаю, вы явились сюда с намерением оклеветать моего жениха, барона Грюнера. Я согласилась принять вас только потому, что об этом просил мой отец, и хочу заранее предупредить: что бы вы ни говорили, ваши слова не окажут на меня никакого влияния".

Мне стало жаль ее, Уотсон. На какое-то мгновение я представил себе, что это моя родная дочь. Мне не так уж часто удавалось блеснуть красноречием: я живу умом, а не сердцем. Но тут я буквально молил ее, я говорил с таким жаром, какой только доступен человеку моего склада. Я расписал ей весь ужас положения женщины, которая узнает истинную цену мужчине лишь после того, как становится его женой, женщины, которая вынуждена сносить ласки окровавленных рук и развратных губ. Я перечислил все -- стыд, страх, страдания, безысходность... Но жара моих слов не хватило даже на то, чтобы окрасить хотя бы едва заметным румянцем эти щеки цвета слоновой кости или хоть раз зажечь огонек чувства в этих отрешенных глазах. Я вспомнил слова этого негодяя о постгипнотическом внушении. Нетрудно поверить, что девушка живет в каком-то сонном исступлении. И при всем том она отвечала мне вполне осмысленно.

"Я терпеливо выслушала вас, мистер Холмс, -- проговорила она, -- и не ошиблась в своем предположении касательно воздействия, которое окажет на меня ваша речь. Мне известно, что Адальберт... что мой жених прожил бурную жизнь, что он навлек на себя жгучую ненависть многих людей и не раз бывал ославлен злыми языками без всяких на то оснований. Не вы первый являетесь ко мне с этой клеветой. Возможно, вами движут добрые побуждения, хотя, как мне известно, вы -- платный сыщик, в равной мере готовый действовать как в интересах барона, так и против него. Как бы там ни было, я прошу вас раз и навсегда уяснить, что я люблю его, а он -- меня и что мнение света значит для меня не больше, чем чириканье вон тех птичек за окном. А если этот благороднейший человек однажды на миг оступился, то вполне возможно, что именно мне назначено судьбой вознести его дух на подходящую ему высоту. Мне не совсем понятно, -- тут она перевела взор на мою спутницу, -- кто эта юная леди".

Я уже открыл рот, чтобы ответить, но в этот миг девушка сама вихрем ворвалась в разговор.

"Я скажу вам, кто я! -- закричала она, вскакивая со стула с перекошенным от гнева ртом. -- Я -- его последняя любовница, одна из тех женщин, которых он соблазнил, довел до ручки,

обесчестил и вышвырнул на свалку, как вскоре вышвырнет и вас! Только той свалкой, где будете лежать вы, вернее всего окажется могила. Может, оно и к лучшему. Знайте, глупая женщина: выйдя замуж за барона, вы вступите в брак с собственной смертью. Не ведаю, чем это кончится -- разбитым сердцем или свернутой шеей, но тем или иным способом он с вами расправится. Я говорю это не из любви к вам: мне совершенно наплевать, умрете вы или нет. Я ненавижу его, я желаю ему зла и хочу отомстить за то, что он со мной сделал. Все это правда, и нечего так на меня глазеть, моя прекрасная леди, ибо вы можете пасть еще ниже, чем я, пока пройдете этот путь до конца!"

"Я бы предпочла не обсуждать этот вопрос, -- холодно проговорила мисс де Мервиль. -- Хочу сразу сказать, что в жизни моего жениха было три случая (и все они мне известны), когда коварным женщинам удавалось опутать его своими сетями, и что он от всего сердца раскаивается в том зле, которое когда-то кому-то причинил".

"Три случая! -- возопила моя спутница. -- Дура! Слов нет, какая вы дура!"

"Мистер Холмс, я нижайше прошу вас закончить нашу беседу, -- ледяным тоном проговорила мисс де Мервиль. -- Я уступила желанию отца и встретилась с вами, но никто не заставит меня выслушивать оскорбления от этой особы".

Мисс Уинтер с проклятиями ринулась вперед и наверняка вцепилась бы в волосы этой дамы, не схвати я ее за руку. Я поволок ее к двери и сумел водворить обратно в кэб, счастливо избежав свары при всем честном народе, ибо мисс Уинтер была вне себя от злости. Я и сам испытывал какую-то холодную ярость, Уотсон. В ее спокойной самодовольной отчужденности было нечто такое, отчего я вдруг почувствовал невыразимую злость. А ведь мы пришли туда, чтобы попытаться спасти эту женщину!

Ну вот, вы опять в курсе дела. Теперь, разумеется, придется придумать какой-нибудь новый ход, поскольку гамбит не удался. Буду держать с вами связь, Уотсон: я больше чем уверен, что вам еще предстоит сыграть свою роль, хотя следующий ход, возможно, сделаем не мы, а наши противники.

Так и случилось. Они нанесли свой удар. Вернее, он нанес свой удар, ибо я никогда не поверю, что юная леди тоже была к этому причастна. Думается, я смог бы показать вам даже ту каменную плиту в мостовой, на которой я стоял, когда мой взгляд натолкнулся на афишу и я почувствовал внезапный приступ ужаса. Это было между Гранд-отелем и Чаринг-кросским вокзалом, рядом с тем местом, где стоит одноногий продавец вечерних газет. Афишу напечатали через два дня после моей последней беседы с Холмсом. На желтом поле чернела ужасная надпись: "Покушение на убийство Шерлока Холмса".

Несколько секунд я простоял, словно оглушенный. Смутно помню, как я схватил газету, как запричитал продавец, которому я не заплатил, и, наконец, как я стоял в дверях аптеки, листая газету в поисках роковой заметки. Вот что в ней говорилось: "Редакция с прискорбием узнала, что мистер Шерлок Холмс, широко известный частный сыщик, нынче утром стал жертвой кровавого избиения, и теперь жизнь мистера Холмса висит на волоске. Мы не можем сообщить всех подробностей, но это событие, очевидно, произошло около полудня на Риджент-стрит, перед "Кафе-Ройял". Двое нападавших были вооружены палками и нанесли мистеру Холмсу удары по голове и туловищу, причинив ранения, которые врачи считают очень серьезными. Холмса доставили в Чаринг-кросскую лечебницу, но затем по его настоянию отвезли домой на Бейкер-стрит. Негодяи, напавшие на него, были прилично одеты. Они скрылись от собравшихся вокруг прохожих, пробежав через "Кафе-Ройял" на расположенную за ним Тепличную улицу".

Излишне говорить, что я тут же ринулся на Бейкер-стрит, еще не успев дочитать заметку до конца. В прихожей я застал знаменитого хирурга сэра Лесли Окшотта, у тротуара стоял его кабриолет.

-- Непосредственной опасности нет, -- сообщил он. -- Две рваные раны на черепе и несколько изрядных синяков. Пришлось наложить пару швов и ввести морфий. Необходим покой, однако короткую беседу не запрещаю.

Заручившись разрешением, я крадучись вошел в затемненную комнату. Страдалец не спал, и я услышал свое имя, произнесенное хриплым шепотом. Штора была спущена на три четверти, но в комнату проникал солнечный лучик и падал на забинтованную голову раненого. Кровь багровой полоской просочилась сквозь белую полотняную повязку. Я присел рядом с Холмсом и понурил голову.

-- Все в порядке, Уотсон, к чему этот испуганный вид? -- пробормотал он слабым голосом. -- Дела не так плохи, как кажется.

-- Слава Богу, коли так!

-- Я все-таки умею бороться один на один с человеком, вооруженным палкой.

-- Чем я могу вам помочь, Холмс? Их, конечно же, подослал тот проклятый субъект. Одно ваше слово, Холмс, и я пойду и сдеру с него шкуру!

-- Добрый старый Уотсон! Нет, тут мы бессильны что-либо сделать, разве что полиция сцапает этих парней; однако их отход был хорошо продуман, в этом можете не сомневаться. Погодите немного, у меня тоже есть кое-какие замыслы. Первым делом необходимо преувеличить серьезность моих ранений. К вам явятся репортеры. Напугайте их, Уотсон. Дай Бог, чтобы я протянул

неделю: сотрясение мозга, бред, все, что хотите! Перестараться тут невозможно.

-- Но как же сэра Лесли Окшотт?

-- О нем не беспокойтесь, он будет видеть меня в наилучшем состоянии. Об этом я позабочусь.

-- Еще что-нибудь?

-- Да. Велите Шинвелу Джонсону удалить девушку. Эти милшки теперь будут охотиться за ней. Им, конечно же, известно, что она участвовала в деле вместе со мной. Если уж они дерзнули напасть на меня, то ею вряд ли пренебрегут. Это срочно, удалите ее сегодня же вечером.

-- Отправляюсь немедленно. Что еще?

-- Положите на стол мою трубку и поставьте туфлю с табаком. Вот так! Заходите каждое утро, мы продумаем нашу кампанию.

Тем же вечером мы с Джонсоном сумели перевезти мисс Уинтер в тихий пригород и позаботились о том, чтобы она залегла на дно до тех пор, пока не минует опасность.

В течение шести дней публика пребывала в твердом убеждении, что Шерлок Холмс стоит у врат смерти. Сводки были удручающие, в газетах появлялись зловещие заметки. Мои частые приходы к Холмсу убедили меня, что все не так уж и плохо. Крепкий организм и твердая воля моего друга творили чудеса. Он быстро шел на поправку -- как я временами подозревал, даже быстрее, чем хотел мне показать. Скрытность и таинственность, свойственные характеру этого человека, не раз приводили к театральным эффектам и в то же время заставляли даже ближайших друзей Холмса ломать голову, силясь догадаться, что у него на уме. Он довел до крайности аксиому, гласящую, что строить поистине тайные планы можно только в одиночку. Я был самым близким ему человеком, но даже я неизменно ощущал разделявшую нас пропасть.

На седьмой день швы сняли, но в вечерних газетах тем не менее появилось сообщение о рожистом воспалении. Те же вечерние газеты поместили объявление, которое я не мог не довести до сведения моего друга, здоров он или болен. В объявлении говорилось, что среди пассажиров парохода "Руритания", отплывающего из Ливерпуля в ближайшую пятницу, будет барон Адальберт Грюнер, которому необходимо уладить важные денежные дела в Штатах накануне бракосочетания с мисс Виолеттой де Мервиль, единственной дочерью и проч. Холмс выслушал известие с холодным сосредоточенным выражением лица, по которому я определил, что эта новость стала для него серьезным ударом.

-- В пятницу! -- воскликнул он. -- Всего трое полных суток в нашем распоряжении. Похоже, негодяй решил обезопасить себя. Но ничего не выйдет, Уотсон! Клянусь Иисусом Христом, ничего не

выйдет! Так, Уотсон, вы должны кое-что для меня сделать.

-- Я здесь специально для этого, Холмс.

-- В таком случае посвятите ближайшие двадцать четыре часа основательному изучению китайской керамики.

Он не дал никаких пояснений, да я их и не спрашивал, зная по долгому опыту, что благоразумнее всего делать так, как он велит. Но когда я вышел от Холмса и зашагал по Бейкер-стрит, разум мой терзала одна мысль: как же выполнить столь странное распоряжение? В конце концов я поехал в лондонскую библиотеку на Сент-Джеймс-скуэр, изложил дело своему приятелю Ломаксу, младшему библиотекарю, и отправился домой с увесистым томом под мышкой.

На следующий вечер я явился к Холмсу и был с пристрастием проэкзаменован. Он уже встал с постели, хотя догадаться об этом по печатным отчетам было нельзя, и сидел в глубинах своего любимого кресла, подперев рукой обмотанную бинтами голову.

-- Право же, Холмс, -- сказал я, -- если верить газетам, вы при смерти.

-- Именно такое впечатление я и хотел создать, -- отвечал он. -- Ну как, Уотсон, выучили уроки?

-- Во всяком случае, попытался.

-- Хорошо. Вы в состоянии вести умный разговор о предмете?

-- Думаю, что в состоянии.

-- Тогда передайте мне вон ту коробочку, что стоит на камине. Он откинул крышку и извлек из коробки маленькую вещицу, заботливо обернутую тонким восточным шелком. Развернув его, Холмс вытащил крохотное блюдечко тонкой работы прекрасного темно-синего цвета.

-- Эта штукавина требует осторожного обращения, Уотсон. Настоящая керамика времен династии Мин. Не толще яичной скорлупы. У Кристи никогда не было таких искусно выполненных изделий. Целый сервиз стоит громадных денег, да и неизвестно, существует ли где-либо за пределами императорского дворца в Пекине такой полный набор. При виде этой штуки любой подлинный ценитель потеряет голову.

-- Что я должен с ней сделать?

Холмс вручил мне карточку, на которой было напечатано: "Доктор Хилл Бартон, улица Хафмун-стрит, 369".

-- На сегодняшний вечер это ваше имя, Уотсон. Вы пойдете к барону Грюнеру. Я немного знаком с его привычками. В половине девятого он, вероятно, будет свободен, О вашем приходе он узнает заранее из записки. Вы напишете, что хотели бы принести ему предмет из совершенно уникального фарфорового сервиза, изготовленного в эпоху династии Мин. Вы медик. Эту роль вам удастся сыграть без натяжек. Вы собиратель. Блюдечко попало к вам в руки, и вы, зная о том, какой интерес питает барон к

фарфору, были бы не прочь продать сервиз за хорошую цену.

-- За какую цену?

-- Отличный вопрос, Уотсон! Разумеется, вы загремите, если не будете знать стоимость своего товара. Это блюдечко мне достал сэр Джеймс, взяв его, насколько я понял, из коллекции своего клиента. Можно без преувеличения сказать, что второго такого в мире нет.

-- Я мог бы предложить оценить сервиз у какого-нибудь знатока.

-- Превосходно, Уотсон! Сегодня вы просто блистательны. Предложите обратиться к Кристи или Сотби. Деликатность мешает вам самому назначить цену.

-- А если он не пожелает принять меня?

-- Еще как пожелает. Он одержим манией собирательства в самой острой ее форме, особенно когда речь идет о предмете, в котором он слывет признанным авторитетом. Садитесь, Уотсон, я продиктую вам письмо. Ответа не нужно. Вы просто уведомите его, что придете, и сообщите, зачем.

Это был восхитительный документ -- краткий, изысканный, дразнящий любопытство истинного ценителя. В должное время районный парнишка-рассылный понес его по назначению. Тем же вечером я отправился навстречу своей судьбе, держа в руках драгоценное блюдечко и сунув в карман визитную карточку доктора Хилла Бартона.

Прекрасный дом и его окружение свидетельствовали о том, что барон Грюнер, как и говорил сэр Джеймс, был обладателем значительного состояния.

Дворецкий, способный украсить собою жилище епископа, впустил меня внутрь и передал облаченному в бархат лакею, который и привел меня к барону.

Тот стоял у открытой дверцы громадного шкафа, помещавшегося меж двух окон и содержавшего часть его китайской коллекции. При моем появлении он обернулся. В руках у барона была маленькая коричневая вазочка.

-- Садитесь, доктор, прошу вас, -- сказал он. -- Я как раз делал смотр моим сокровищам и прикидывал, могу ли я позволить себе пополнить их. Возможно, вас заинтересует это изделие времен династии Тан. Седьмой век. Уверен, что прежде вам не доводилось видеть более искусной работы и богатой глазури. Вы принесли с собой то самое блюдечко эпохи Мин, о котором говорили?

Я осторожно распаковал блюдечко и протянул его барону. Он уселся за письменный стол, подвинул лампу, поскольку уже темнело, и принялся изучать фарфор. При этом лицо барона залил желтый цвет, и я смог спокойно рассмотреть его.

Это действительно был на редкость милovidный мужчина,

вполне заслуженно слывший в Европе красавцем. Не выше среднего роста, однако с грациозными и выразительными линиями фигуры. Лицо смуглое, почти восточное, с большими томными черными глазами, неодолимо привлекательными для любой женщины. Волосы и усы у него были иссиня-черные, причем коротко остриженные усики стояли торчком и были тщательно напомажены. Правильность этих милостивых черт нарушал лишь прямой тонкогубый рот. То был настоящий рот убийцы -- жесткий и твердый, словно рубец, и плотно сжатый. Он свидетельствовал о бессердечии и производил ужасающее впечатление. Кто-то очень неудачно посоветовал Грюнеру расчесывать усы таким образом, чтобы они обнажали губы -- этот сигнал опасности, подаваемый жертвам барона самой природой. Голос его звучал завораживающе, а манеры были безупречны. Я бы дал ему чуть больше тридцати лет, хотя впоследствии мы узнали из документов, что барону было сорок два.

-- Прелесть, просто прелесть! -- сказал он наконец. -- Вы говорите, у вас есть набор из шести штук? Удивительно, почему я прежде никогда не слышал о таких чудесных изделиях. Я знаю, что в Англии есть только один набор, способный сравниться с вашим, и он вряд ли когда-нибудь появится на рынке. Не будет ли нескромным с моей стороны спросить, как вы завладели им, доктор Хилл Бартон?

-- Так ли уж это важно? -- ответил я с таким беспечным видом, какой только сумел на себя напустить. -- Вы видите, что это подлинник, а что до его стоимости, так меня вполне устроит оценка знатока.

-- Очень таинственно, -- сказал барон, и его черные глаза подозрительно вспыхнули. -- Когда имеешь дело с такими дорогими вещами, вполне естественно возникает желание узнать об условиях сделки все. Разумеется, это подлинник, тут у меня нет никаких сомнений. Но давайте допустим, что в один прекрасный день выяснится -- а я обязан учитывать все возможности, -- что вы не имеете права продавать его?

-- Могу ручаться, что никаких претензий подобного рода не возникнет.

-- И все же эта сделка поражает меня своей необычностью.

-- Вы вправе принять ее или отказаться, -- безразличным тоном ответил я. -- Я решил обратиться с моим предложением сначала к вам, поскольку, как я понял, вы -- истинный ценитель. Но я не встречу никаких затруднений в любом другом месте.

-- А кто сказал вам, что я -- истинный ценитель?

-- Мне известно, что вы написали книгу о китайском фарфоре.

-- Вы читали эту книгу?

-- Нет.

-- Боже мой! Мне становится все труднее и труднее понимать вас! Вы знаток и собиратель, в вашей коллекции есть очень ценный экспонат, и тем не менее вы даже не позаботились обратиться к единственной в мире книге, способной дать вам представление о подлинном значении и стоимости принадлежащего вам предмета! Как вы это объясните?

-- Я очень занятой человек. Практикующий врач.

-- Это не ответ. Если уж человек чем-то увлекся, он сумеет выкроить время для своего увлечения, как бы он ни был при этом загружен другими делами. А в вашем письме было сказано, что вы -- большой любитель фарфора.

-- Так оно и есть.

-- Могу я задать вам несколько вопросов, чтобы проверить ваши знания? Должен сообщить вам, доктор -- если вы и правда доктор, -- что дело принимает все более подозрительный оборот. Позвольте спросить, что вам известно об императоре Се и какая связь между ним и Сесоин возле Нары? Господи, неужели этот вопрос обескуражил вас?

Я с притворным возмущением вскочил со стула.

-- Это уж слишком, сэр! Я пришел сюда, чтобы оказать вам любезность, а не сдавать экзамен, будто какой-нибудь школьник. Вполне вероятно, что я знаю об этом предмете гораздо меньше, чем вы, но я не намерен отвечать на вопросы, поставленные столь оскорбительным образом.

Он пристально посмотрел на меня. Истомы в глазах как не бывало. Вдруг они гневно сверкнули. Жесткие губы разомкнулись, обнажив тускло блестящие зубы.

-- Что за игру вы ведете? Вы явились сюда шпионить за мной. Вас подослал Холмс! Вы хотите обвести меня вокруг пальца. Как я слышал, этот парень при смерти, вот он и посылает своих подручных следить за мной! Вы ввалились ко мне без приглашения, и, клянусь Богом, сейчас вы убедитесь, что выйти отсюда труднее, чем войти!

Он вскочил на ноги, и я отступил на шаг, приготовившись отразить нападение. Должно быть, он заподозрил меня с самого начала, а перекрестный допрос уж наверняка открыл ему истину. Так или иначе, но мне было совершенно ясно, что пытаться перехитрить его -- безнадежное дело, Барон сунул руку в боковой ящик и принялся яростно рыться в нем. Потом его ухо уловило какой-то звук, и он замер, сосредоточенно прислушиваясь.

-- Ага! -- вскричал барон. -- Ага! -- И ринулся во внутренний кабинет.

Два шага, и я у распахнутой двери. Разыгравшаяся в комнате сцена четко и на всю жизнь запечатлелась в моей памяти. Окно, выходящее в сад, было раскрыто настежь, а возле него, словно какой-то жуткий призрак, стоял Шерлок Холмс. Голова его была

обмотана кровавыми бинтами, белое лицо искажено. В тот же миг он выскочил в окно, и я услышал, как его тело с треском рухнуло в росшие на улице кусты лавра. Хозяин дома с яростным воплем бросился следом за Холмсом к открытому окну.

А потом! Это произошло в мгновение ока, но тем не менее я отчетливо все видел. Из гущи листвы стремительно высунулась рука -- женская рука! В тот же миг барон издал страшный крик -- вопль, который будет вечно звенеть у меня в ушах. Он прижал ладони к лицу и заметался по комнате, с силой ударяясь головой о стены, потом рухнул на ковер и начал кататься по нему, корчась и оглашая дом непрерывными криками.

-- Воды! Ради Бога, дайте воды! -- молил он.

Схватив с бокового столика графин, я бросился ему на помощь. В тот же миг из коридора в кабинет вбежали дворецкий и несколько лакеев. Помню, как один из них лишился чувств, когда я спустился на колени возле раненого и повернул его страшное лицо к свету лампы. Купорос въедался в него, капая с подбородка и ушей. Один глаз уже покрылся бельмом и остекленел, второй воспалился и покраснел. Лицо, которым я любовался всего несколько минут назад, теперь было похоже на прекрасную картину, по которой живописец провел мокрой и грязной губкой. Черты его смазались, обесцветились и приобрели страшный, нечеловеческий вид.

Я в нескольких словах объяснил, каким образом произошло нападение. Кое-кто из слуг полез в окно, другие бросились на лужайку через двери, но было темно и начинался дождь. Крики жертвы перемежались яростными проклятиями в адрес мстительницы.

-- Это Китти Уинтер! -- вопил барон. -- Чертова кошка! Дьяволица! Она за это заплатит! Заплатит! О, силы небесные, я не вынесу этой боли!

Я обмыл его лицо растительным маслом, наложил на раны вату и впрыснул барону морфий. Потрясение вытравило из его сознания все подозрения на мой счет, и он цеплялся за мои руки, словно в моей власти было прояснить взгляд этих устремленных на меня остекленевших глаз, похожих на глаза дохлой рыбины. Вид этого пепелища едва не заставил меня прослезиться, но я слишком хорошо помнил, что этот человек сотворил в жизни много зла, которое и навлекло на него столь ужасное возмездие. Его огненно-горячие руки впились в меня, и это было отвратительное ощущение.

Поэтому я облегченно вздохнул, когда мне на смену прибыл домашний врач больного в сопровождении специалиста по ожогам. Приехал и полицейский инспектор. Я вручил ему свою настоящую визитную карточку. Поступить иначе было бы глупо и бессмысленно, поскольку в Скотленд-Ярде меня знали в лицо почти так же хорошо, как и самого Холмса. Затем я покинул этот полный

тоски и ужаса дом и менее чем через час был на Бейкер-стрит.

Холмс, бледный и изможденный, сидел в своем привычном кресле. Раны и события сегодняшнего вечера потрясли даже его стальные нервы. Он с ужасом выслушал мой рассказ о страшном преображении барона.

-- Это расплата за грехи, Уотсон! Расплата за грехи! -- воскликнул он. -- Рано ли, поздно ли, но она непременно приходит. А грехов у него, видит Бог, хватает, -- добавил Холмс, взяв со стола том в коричневом переплете. -- Вот та самая книга, о которой рассказывала мисс Уинтер. Если уж она не расстроит свадьбу, стало быть, это и вовсе невозможно. Но она расстроит ее, Уотсон. Должна расстроить. Ни одна уважающая себя женщина не снесет такого оскорбления.

-- Это дневник любовных походов барона?

-- Или, скорее, дневник его распутства. Как хотите, так и называйте. В тот миг, когда мисс Уинтер рассказала нам о нем, я понял, что книга может стать сокрушительным оружием, если только нам удастся завладеть ею. Я тогда ни словом не обмолвился о своем замысле, но начал вынашивать его. Потом на меня напали, и я воспользовался этим нападением, чтобы внушить барону, что я для него безвреден и предосторожности излишни. Все складывалось очень удачно. Я бы выждал еще немного, но его отъезд в Америку вынудил меня действовать без промедления. Ведь барон наверняка забрал бы столь компрометирующий документ с собой. Ночной грабеж отпадал: барон осторожен. Зато в вечерние часы я мог попытаться счастья, если б наверняка знал, что его внимание отвлечено. Тут-то мне и понадобились вы с вашим синим блюдечком. Однако мне необходимо было совершенно точно установить местонахождение книги, поэтому в самый последний миг я прихватил с собой девушку. Сколько минут в моем распоряжении -- зависело от объема ваших познаний в области китайской керамики. Откуда мне было знать, что там, в этом маленьком пакетике, который мисс Уинтер с такими предосторожностями несла под накидкой? Я-то думал, что она будет только помогать мне, но у нее, похоже, были там и свои дела.

-- Барон догадался, что я пришел от вас.

-- Я этого опасался. Но ваша игра отвлекла его, и я успел забрать книгу. Правда, на то, чтобы скрыться незамеченным, времени уже не хватило. А, сэр Джеймс! Как я рад, что вы пришли!

Наш вылощенный приятель явился по заранее посланному приглашению. Он с глубочайшим вниманием слушал рассказ Холмса о случившемся.

-- Вы свершили чудо! Чудо! -- воскликнул он, выслушав историю. -- Однако если раны барона так ужасны, как описывает их доктор Уотсон, этого обстоятельства нам с избытком хватит,

чтобы добиться нашей цели и сорвать женитьбу, не прибегая к помощи этой ужасной книги!

Холмс покачал головой.

-- Женщина такого типа, как Виолетта де Мервиль, будет любить искалеченного страдальца еще крепче, чем здорового человека. Нет, нет, мы должны уничтожить его морально, а не физически. Эта книга -- и только она одна -- вернет девушку на землю. Книга написана почерком барона, мисс де Мервиль не сможет этого не заметить.

Сэр Джеймс унес с собой и книгу, и драгоценное блюдечко. Я и сам засиделся у Холмса дольше, чем нужно, и поэтому вышел на улицу вместе с полковником. Его ждал кабриолет. Сэр Джеймс вскочил в экипаж, отдал короткую команду кучеру, на голове которого красовалась кокарда, и быстро уехал. Он наполовину свесил из окна свое пальто, чтобы прикрыть им геральдические знаки на дверце, но это ничуть не помешало мне разглядеть их в ярком свете, падавшем из веерообразного оконца над дверью дома. Я задохнулся от изумления, затем повернулся и вновь поднялся по лестнице в комнату Холмса.

-- Я выяснил, кто наш клиент! -- воскликнул я, распираемый желанием поскорее выпалить великое известие. -- Холмс, да это же...

-- Это истинный рыцарь и верный друг, -- сказал Холмс, жестом призывая меня к молчанию. -- Давайте же раз и навсегда удовлетворимся этим.

Я не знаю, каким образом была пущена в дело порочащая барона книга. Это устроил сэр Джеймс Или же, что более вероятно, столь щекотливое поручение было доверено отцу юной дамы. Во всяком случае, это возымело желаемое действие. Спустя три дня в "Утренней почте" появилась заметка, сообщавшая, что бракосочетание барона Адальберта Грюнера и мисс Виолетты де Мервиль не состоится. В той же газете был помещен первый отчет о слушании судебного дела, возбужденного против мисс Китти Уинтер по серьезному обвинению в нанесении увечий посредством купороса. На суде открылись такие смягчающие вину обстоятельства, что приговор, как вы помните, оказался самым мягким, какой только можно было вынести за такое преступление. Шерлоку Холмсу угрожали преследованием за кражу со взломом, однако, когда цель благородна, а клиент достаточно знатен, даже косный английский закон становится гибким и человечным. Моего друга так и не посадили на скамью подсудимых.